

Возвращаясь к напечатанному

ЗАПОВЕДНАЯ ДАЛЬ

ПРОЧИТАЛ интервью с главой администрации Угутского сельсовета И.Н.Бородиным под броским названием "Я знаю Юганский заповедник не понаслышке" ("Вестник" N 4, 1994 г.), сразу на память пришли стихи Омара Хайяма:

У занимающих посты
больших господ
Нет в жизни радостей от
множества забот,
А вот подите же: они
полны презренья
Ко всем, чьи души
червь стяжания не грызет.

Редакция просила прокомментировать одно, а он про другое – излил свои обиды на "научников".

Поясню, почему именно мне пришлось "поднять брошенную перчатку". Думаю, что человеку, отработавшему в заповеднике 10 лет, всю сознательную жизнь готовившему себя к работе именно в этой сфере, живущему заповедными проблемами, успехами и неудачами, есть что ответить.

Насколько мне стало ясно, основной виной "научников" И.Н.Бородин считает отсутствие охраны заповедника. В чем Иван Николаевич не ошибается, так это в том, что заповедник действительно не охраняется. Но, смею заметить, что штат, пусть даже неуклопектованный, есть, и возглавляет его С.В.Кривоногов, близкий Бородину человек. Так что в этой части глава администрации просто слухавил. Так почему же виноваты "научники", если не работает начальник охраны? Или вина их состоит в том, что не прошли мимо и буквально "за уши" притащили начальника охраны к месту браконьерства в августе месяце. Впрочем, это все равно ничего не дапо.

Теперь расскажу об упомянутом "эксперименте". Правильнее было бы назвать это структурной реорганизацией.

ИСТОРИЯ создания первых государственных заповедников относится ко второму десятилетию нашего века. История эта сложна и крайне интересна. Первым в России был Баргузинский охотничий заповедник, созданный в 1916 году. Тогда этот термин означал – угодия для разведения дичи. Заповедник имел 200 тыс. га земли, питомник для разведения соболей и штат из 18 лесников. Создан он был Министерством сельского хозяйства, позднее, в 1917 году, перешел в ведение Наркомзема. Но уже в 1919 г., по заданию Ленина, дела по охране природы передаются в ведение Наркомпроса. Как впоследствии подчеркивал Ф.Н.Петров, ведущий сотрудник Наркомпроса, Ленин умышленно поступил таким образом, потому что у Наркомпроса были "совершенно чистые руки" (подразумевается отсутствие у Наркомпроса прямых хозяйственных функций). (Цит. по Дуглас Вайнер, "Экология в Советской России", 1991).

Следующий заповедник – Ильинский – предназначался исключительно для выполнения научных и научно-хозяйственных задач. Борьба Наркомзема с Наркомпросом за руководство заповедниками растянулась на многие годы, но независимо от того, в чьем ведении находились заповедники, структура в них была одинакова. Вся эта несурезица докатилась до наших дней: структура всех заповедников бывшего СССР, где бы они ни находились – в тундре, тайге или пустыне, была одинаковой, – лесной отдел и научный. Между ними всегда шла тяжба, что первично, а что вторично.

И.Н.Бородин считает, что охрана – первична. Хочу возразить – охрана, как и наука, в заповедниках не первична, но и не вторична. Они идут параллельно, бок о бок, в заповеднике они неразделимы. Любой первоклассник знает, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Поэтому неважно, как будет сказано: "Заповедник – природоохранная организация" или наоборот: "Заповедник – научно-исследовательская природоохранная организация". Важно, чтобы итог был один – заповедник сохранен и изучен. Природа не ждет, пока мы ее охраняем, процессы идут. Ценность научно-исследовательских работ в заповеднике в том и состоит, что они ведутся непрерывно, круглогодично, под охраной, в условиях, не измененных человеком.

Многие заповедники нуждаются в усиленной охране (приходилось бывать в таких). Когда через руки главного лесничего проходят сотни протоколов, на его долю выпадают десятки заседаний в суде. Каждый лесник на своем обходе задерживает не один десяток нарушителей – не только браконьеров-охотников, но и ягодников, просто прохожих.

Есть и другие заповедники, не ошибусь, если скажу – таковы почти все сибирские, большие по территории, труднодоступные. В таких заповедниках при хорошем директоре лесники уподобляются чему-то вроде разнорабочих: заготавливают дрова, чистят тропы, строят кордоны и переходы, не избушки, тушат пожары.

НАШ заповедник – типично сибирский, большой, труднодоступный (особенно

для своих сотрудников). Анализ работы лесного отдела за первые десять лет показал три нарушения заповедного режима. Причем, в одном случае все сделала охотинспекция, а два – заслуга нашей охраны. Скажем прямо, нагрузка не очень большая на семь человек лесных ИТР. В этих условиях главный лесничий превращался в нечто вроде зама директора по хозяйственным вопросам, а завхоз – в ключницу.

Вот и решили на ученом совете заповедника, что стоит сделать так, чтобы каждый занимался своим делом. Лесникам было предложено проживать на своих кордонах, заниматься охраной вверенных им обходов и вести наблюдения. Ничего нового, все это они делали и раньше. Единственно предполагалось, что подчиняться они будут научным сотрудникам, минуя посредников (ИТР лесного хозяйства), а хозяйственными делами будет заниматься совхоз. В этом случае научные сотрудники наравне с лесниками несли бы ответственность за охрану. Сейчас, встретив браконьера, мы имеем право "поздороваться" с ним и проследовать дальше. Правда, научный сотрудник может сообщить на центральную усадьбу о ЧП, но, как показали события августа, от нашей администрации и охраны оперативности ждать не приходится.

В проекте реорганизации структуры заповедника предполагалось, что жены лесников не просто должны были числиться – они вместе с научными сотрудниками вели бы посильные работы, например, метеорологическую съемку, фенологиче-

ские наблюдения, учеты урожайности ягодников. Основные обязанности по охране, конечно же, выполняли бы лесники-мужчины. Из научно-исследовательских мероприятий им посильно выполнение зимних учетов, учетов боровой и водоплавающей дичи, зимспящих по чернотропу и многое другое. Некоторые наиболее подготовленные смогли бы подключиться к специальным работам, например, кольцеванию птиц, мечению зверей.

Развернув сеть по кольцеванию птиц и мечению зверей, можно было бы изучать внутренние и внешние перемещения тех или иных групп животных и птиц, многое другое. Все это позволило бы поднять научные исследования на более высокую ступень, при этом охрана заповедника никак не пострадала бы, напротив, выиграла, потому что наука требует пунктуальности, а не "высживания" на центральной усадьбе в Угуте.

Во многих заповедниках у лесников существуют патрульные маршруты с контрольными пунктами, по которым они с разной периодичностью обязаны проходить. Лесничие осуществляют проверку журналов в контрольных пунктах. В нашем заповеднике этого нет, может быть, и не надо. Единственное, что мы пыта-

лись ввести в нашем заповеднике из опыта других, это разработка сети учетных маршрутов, по которым лесники патрулировали бы обходы. А наблюдения, сделанные во время патрулирования, являлись бы первичным научным материалом. Естественно, что данные, полученные со строго обозначенных маршрутов, весь-

ма показательны и имеют необычайную ценность.

ПОКА предложения нашего ученого совета проходили экспертизу в различных учреждениях, из Министерства пришла "революция сверху": лесные отделы упразднились совсем, а их место занимала инспекция. Суть этой перестройки лишь в изменении названия, дакое в каком расширении прав лесников-инспекторов. Все же нам удалось добиться утверждения индивидуального положения заповедника "Юганский", согласно которому инспекторы входят в штат научного отдела и одновременно являются наблюдателями. Главными государственными инспекторами заповедника являются директор и заместитель директора по науке. Загоревшийся идеей реорганизации наш директор красноречиво доказывал начальнику управления особо охраняемых территорий Министерства природы, что заповеднику необходимо "избавиться от лишних ствопов". Но как и все, за что он брался, эта реорганизация не была доведена до конца.

А главе администрации Угутского сельсовета, на территории которого находится заповедник, хочется дать совет – поступающую информацию о браконьерстве не замалчивайте, а если есть возможность, помогите пресекать. Заповедник не является достоянием его сотрудников. Это, если хотите, богатство всех нас, которое мы должны сохранить для потомков.

Е.СТРЕЛЬНИКОВ.

старший научный сотрудник заповедника "Юганский".

ОТ РЕДАКЦИИ: это не первое письмо из заповедника, и для того, чтобы прояснить ситуацию и составить свое мнение (а до сих пор мы публиковали только "мнения сторон"), в Угут отправился наш корреспондент. Ждите публикации.